

И.М. Модель*
А.Н. Петрик

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ «ИДЕАЛЬНОГО ТИПА»**
(методологический аспект)

Проблема политического самоопределения, несмотря на кажущуюся очевидность, представляет определенный интерес как с точки зрения политической науки, так и с точки зрения политической практики. Можно с полным на то основанием утверждать, что в настоящее время политическая наука не создала устойчивой и функциональной теории политического самоопределения. Это обстоятельство не могло не привести к тому, что очень часто этот термин употребляется без глубокого понимания его специфики, а в большинстве случаев трактуется с позиций философии и психологии. Это обстоятельство сказывается на уровне теоретической рефлексии закономерностей формирования политических статусов и ролей различных акторов политического поля¹, которое «является условием и постоянно производящимся и институтирующимся результатом политической практики»². В не меньшей степени оно сказывается и на уровне их политического самосознания, системы ценностей, установок и моделях политического поведения. Поэтому вполне обоснованным представляется утверждение о том, что проблема политического самоопределения требует особого внимания не только в контексте указанных выше обстоятельств, но и в плане определения его как одной из центральных категорий политической науки.

Такого масштаба теоретическая задача требует для своей реализации разработки и применения нетривиального методологического подхода. Очевидно, что его формирование должно опираться не только на методологический и понятийный аппарат современной политической науки, но и в не меньшей степени на достижения таких дисциплин, как философия, социология и культурология.

* Модель И.М. — см. на с.128; Петрик Александр Николаевич — аспирант Института философии и права УрО РАН.

¹ Теория формирования политических позиций и ролей внутри политического поля или поля политики подробно изложена П. Бурдые в работе «Социология политики» (М.: Socio-Logos, 1993. С.80–85).

² Бурдые П. Социология политики. С.24.

Целью настоящей статьи является попытка разработки концептуальных методологических представлений о механизме процесса политического самоопределения. Представляется, что одним из наиболее перспективных направлений достижения поставленной цели может быть опора на широко известную, но практически не используемую в политической науке концепцию «идеальных типов» М. Вебера. Однако начать наш дискурс мы считаем необходимым с выявления социокультурного смысла политического самоопределения.

Социальная функция культуры состоит не только в обеспечении условий для принятия индивидом и социальной группой оценочных суждений, но и в том, чтобы способствовать пониманию ими поставленных перед собой целей и лежащих в их основе социокультурных ценностей, а следовательно, и в критическом познании последних. Однако чаще всего такая критика заключается не более чем в их верификации «в аспекте того, насколько в поставленной индивидом цели отсутствует внутренняя противоречивость»¹. Таким образом, критический анализ ценностей и целей позволяет индивиду или социальной группе опосредованно понять основания своих субъективных желаний, «важнейшие параметры ценностей, из которых он (индивид) бессознательно исходит или должен был бы исходить, если хочет быть последовательным»² в своем социальном развитии.

Значение культуры в контексте индивидуального и социального опыта заключается в познании его субъектом жизненных явлений в их культурном значении. Значимость культуры как явления не может быть выведена и обоснована с помощью системы социальных законов и понятий, какой бы совершенной она ни была, так как это предполагает соотнесение культуры с идеями ценности. Понятие культуры само по себе ценностное понятие. Как возможная эмпирическая реальность она соотносится с ценностными принципами и ценностным аспектом действительности. Культура охватывает только те компоненты этой действительности, которые в силу упомянутого выше отнесения к ценности являются значимыми и актуальными для общества.

Социальное познание и направленность познавательного процесса формируются в рамках специфических культурных значений, которые индивид или группа придают тому или иному со-

¹ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С.349.

² Там же. С.350.

бытию в каждом отдельном случае, и представляют собой проявление культурной жизни, на котором основывается его (случая) специфическое значение. Оно содержит или, во всяком случае, может в данной ситуации содержать проблему самоопределения как одного из основополагающих аспектов социокультурной динамики личности, социальной группы и общества в целом.

Культурное самоопределение, на наш взгляд, заключается в построении системы алгоритмов для решения практических проблем, в виде определенных общезначимых ценностей и моральных императивов, в пределах которых сохраняются и выполняются социокультурные и этические обязательства общества и его институтов. Помимо этого социокультурный смысл самоопределения и вместе с ним формирование систем общезначимых личностных и групповых ценностей заключаются в поиске и выработке определенной социальной ценностно-ориентированной позиции, с которой соотносятся и оцениваются все дальнейшие действия субъектов самоопределения. В этом аспекте одна из главных функций культуры состоит в сведении социальных эмпирических связей к социально-значимым законам и закономерностям, которые, в свою очередь, являются универсальными вспомогательными средствами в процессе познания социальной действительности. Познание внутриличностных и внутригрупповых культурных процессов возможно только в том случае, «если оно исходит из значения, которое для нас всегда имеет действительность жизни, индивидуально структурированная в определенных единичных субъективных (курсив наш. — И.М. и А.П.) связях»¹. Смысл и значимость этих связей не следуют и не могут непосредственно следовать из социальных законов, но определяются последними в зависимости от индивидуальных и коллективных ценностных ориентаций, с помощью которых в каждом отдельном случае рассматривается феномен культуры. «Культура — есть тот конечный фрагмент лишенной смысла мировой бесконечности, который, с точки зрения человека, обладает смыслом и значением»². Такое определение культуры возможно и необходимо в том случае, когда субъект занимает социальную позицию, соотнося свои субъективные ценности с социокультурными ценностями (законами). Более того, проблема состоит даже не в том, какой смысл или статус придается культурным ценностям (законам), а в том, что, являясь субъектами культу-

¹ Вебер М. Избранные произведения. С.378–379.

² Там же. С.379.

ры, социальные группы и индивиды обладают способностью и волей, которые позволяют им сознательно занимать определенную позицию по отношению к миру и придавать ему смысл, становящийся основой для суждений о различных явлениях совместного существования людей, и заставляют относиться к ним (положительно или отрицательно) как к чему-то значительному. Каким бы ни было содержание этого отношения, названные явления всегда будут иметь культурное значение.

Следовательно, культура так, как мы ее понимаем вслед за М. Вебером, «связана с «субъективными» предпосылками в той мере, в какой она интересуется теми компонентами действительности, которые каким-либо образом — пусть даже самым косвенным — связаны с явлениями, имеющими в нашем представлении культурное значение»¹.

Однако необходимо сознавать, что в реальной жизни все сферы общественной деятельности (в данном случае деятельность рассматривается в контексте предметности, так как субъект развивается через изменение предметных социальных обстоятельств), такие как культура, экономика и политика, настолько тесно взаимосвязаны, что каждую из них можно анализировать только в плане научного дискурса. И именно на пересечении этих сфер «мы ощущаем как нечто «объективно» ценностное те глубочайшие пласты, те высшие, последние оценочные суждения, которые определяют наше поведение, придают смысл и значение нашей жизни. Ведь руководствоваться ими мы можем лишь в том случае, если они представляются нам значимыми, проистекающими из высших ценностей жизни, если они формируются в борьбе с противостоящими им жизненными явлениями»². Только опираясь на базовые культурные ценности, индивиды и социальные группы способны распределить содержание социальных и политических отношений, чтобы адекватно понимать и выражать свои собственные интересы. И здесь субъект самоопределения неотвратимо попадает в сферу политической культуры.

Политическая культура представляет собой одно из опосредующих звеньев между экономическими интересами, базовыми потребностями и социальными нормами отдельного человека и социальной группы, вовлеченными, в той или иной мере, в политическую жизнь общества. Политическая культура как сфера представ-

¹ Вебер М. Избранные произведения. С.380–381.

² Там же. С.350.

ления и реализации индивидуальных политических интересов никого не может научить тому, что ему необходимо делать в каждой конкретной экономической, культурной и политической ситуации, она указывает только на то, что можно совершить, а в некоторых случаях — на то, что хочется совершить, или установить причинно-следственную связь между событиями в общественной жизнедеятельности. Иначе говоря, политическая культура способствует формированию определенных типов политического поведения и придает ему определенную направленность, но при этом не является детерминирующим фактором в последней инстанции. В зависимости от того, насколько цели совпадают с результатами деятельности, а субъективные ценности с базовыми социальными нормами и законами, увеличивается или уменьшается возможность осуществления определенных индивидуальных и групповых интересов. В этом случае политическая культура становится сферой устранения социальных и политических противоречий, снятия социально-политической напряженности и, как следствие, выработки модели взаимных обязательств людей и стратегии посредничества между сторонниками противостоящих ценностных ориентаций. В некоторых случаях сущность политической культуры может быть раскрыта в наглядной, понятной форме только посредством оценки конфронтации положенных в основу общезначимых ценностей и, собственно, субъективных ценностей и волений (поступков). «Каждая рациональная оценка чужого воления может быть только критикой, которая исходит из собственных «мировоззренческих» позиций; борение с чужим идеалом возможно, только если исходить из собственного идеала. Если в отдельном случае последняя ценностная аксиома, лежащая в основе практического воления, должна быть не только установлена и подвергнута научному анализу, но и наглядно показана в ее отношении к другим ценностным аксиомам, то необходимо дать их «позитивную» критику...»¹. Таким образом, одним из важнейших аспектов политической культуры (как и метакультуры) является распределение и позитивная критика общественных и индивидуальных ценностей и идеалов в процессе формирования и реализации социальных и политических отношений.

Поэтому мы полагаем возможным считать политическое самоопределение одним из многообразных способов социализации, предполагающей «знакомство с социально и *политически* (курсив

¹ Вебер М. Избранные произведения. С.355.

наш. — *И.М., А.П.*) предопределенным ходом событий»¹ или социальной адаптации к условиям, порождаемым спецификой каждого исторического периода жизни общества. Это утверждение касается, в первую очередь, субъектов политических отношений, действующих в силу своих желаний, взвешивающих и совершающих выбор между общественными и индивидуальными ценностями.

Любое политическое действие и, в определенных обстоятельствах, также и бездействие, сводятся в конечном итоге к решению субъекта занять определенную позицию по отношению к социальным ценностям и, тем самым, иметь возможность противостоять ценностям, отличным от его (субъекта) ценностей, но также закрепленным в обществе.

Политическая деятельность субъекта основывается на совокупности предпосылок, способствующих развитию политической активности, и создает потенциал качеств субъекта как общественно-политического деятеля. Становление субъекта политики происходит в процессе политической социализации, формирования политических представлений, ориентаций и установок, в приобретении навыков политического участия. Политическое участие можно определить как вовлеченность членов общества на индивидуальной или классово-групповой основе в политико-властные отношения, в процесс принятия решений, носящих политический характер. Разумеется, что включение любого субъекта в процесс политического участия немыслимо без прохождения им этапа политического самоопределения.

Политическое самоопределение — это деятельное понимание значения того, к чему его агент стремится; способ видения целей, которые привлекают субъекта и между которыми ему приходится делать выбор в их (целей) взаимосвязи и значении, прежде всего посредством выявления социальных законов и норм, в процессе последовательного освоения социальной действительности.

Главная цель политического самоопределения — это обретение его агентами собственного места в политическом пространстве. Отдельные люди, социальные группы и институты стремятся понять окружающее их пространство в его своеобразии и целостности, установить взаимосвязь и политическую значимость отдельных его проявлений, а также выявить причины того, почему они исторически сложились так, а не иначе.

¹ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С.222.

В то же время, когда субъекты пытаются осмыслить политическое пространство в том виде, в котором оно непосредственно предстает перед ними, последнее предлагает бесконечное многообразие явлений, возникающих и исчезающих последовательно или одновременно «внутри» и «вне» освоенного пространства. «Абсолютная бесконечность такого многообразия остается неизменной в своей интенсивности и в том случае, когда мы изолированно рассматриваем отдельный ее «объект», как только мы делаем серьезную попытку хотя бы только исчерпывающе описать это «единичное» явление во всех его индивидуальных компонентах, не говоря уже о том, чтобы постигнуть его в его каузальной обусловленности»¹. Поэтому любое интеллектуальное познание политического пространства основано на предпосылке того, что в каждом конкретном случае предметом познания в целях политического самоопределения может быть только его (пространства) конечная часть.

Основной критерий единичного явления политического пространства заключается в закономерной повторяемости циклов его существования. Политическое же самоопределение устанавливает закономерность в качестве безусловно значимой и делает ее непосредственно очевидной для индивидуального политического опыта, для того чтобы каждой найденной таким образом формуле подчинялось любое количество однородных политических явлений.

Для понимания политической действительности также важно объяснить принципы или законы, по которым различные по своему политическому статусу явления группируются в значимые для субъектов события. Хотя эти всеобъемлющие, с точки зрения действительности, представления о законах складываются и основываются на индивидуальном опыте, их установление «было бы для нас лишь первой задачей среди множества других, которые должны были бы привести к желаемому результату. Второй задачей было бы проведение анализа и упорядоченного изображения исторически данной индивидуальной группировки тех *политических представлений* (курсив наш. — И.М., А.П.) и их обусловленного этим конкретного, в своем роде значимого, взаимодействия и, прежде всего, пояснение основания и характера этой значимости»².

Решение второй задачи непосредственно связано с использованием предварительных данных, полученных в результате решения первой, но сама по себе она совершенно самостоятельна по

¹ Вебер М. Избранные произведения. С.369.

² Там же. С.373.

своему типу и состоит в том, чтобы, опираясь на прошлый опыт, выявить становление отдельных, значимых для настоящего свойств группировок политических представлений и ценностей и руководствоваться ими в объяснении предшествующего индивидуального опыта, с последующей оценкой возможных проявлений в будущем.

Процесс индивидуального и коллективного освоения политического пространства и выявление его норм и законов обусловлен субъективными принципами, имеющими значение вследствие их соотнесения с социально-значимыми ценностями. Значение же, в каждом конкретном случае, имеет лишь часть освоенного индивидами политического пространства, так как только оно соотносится с ценностными принципами актуальной политической культуры. Поэтому в своей совокупности определенные стороны отдельных политических явлений, которым приписывается то или иное политическое значение, представляют собой познавательную ценность и являются критерием значимости сведения объективных результатов к их субъективным причинам.

Именно поэтому для характеристики феноменов политического пространства уместно использование понятия «идеального типа»¹. Понятие «идеальный тип» субъективно и позволяет через исследование единичного получить представление о политических процессах и феноменах с помощью однозначных средств выражения, что даст возможность отнести его к одному из структурных элементов политического самоопределения. «Идеальный тип» создается посредством одностороннего соединения множества отдельно существующих единичных явлений, причем в одном случае их может быть больше, в другом меньше или они могут вообще отсутствовать. Эти явления политического пространства соответствуют определенным субъективным представлениям об этом пространстве и в процессе самоопределения складываются в единые политические принципы. Соответственно, «идеальный тип» формируется в пределах единых и свободных от противоречий политических принципов и соотносится с выраженными в них политическими законами. По своему значению «идеальный тип» — «это чисто идеальное пограничное понятие, с которым политическое пространство сопоставляется, сравнивается, для того чтобы сделать

¹ Понятие «идеального типа» упоминается М. Вебером в работе ««Объективность» социально-научного и социально-политического познания». См.: Вебер М. Избранные произведения. С.345–415.

отчетливыми определенными значимыми компонентами его (политического пространства) эмпирического содержания»¹.

«Идеальный тип» определенного общественного состояния, сконструированный посредством абстрагирования ряда характерных политических явлений, может — и это действительно часто случается — представляться практическим законом, которым надлежит руководствоваться или, во всяком случае, соотносить с ним способ политического участия.

Логическая структура системы субъективных понятий, в которых выражаются политические принципы, и их отношение к тому, что непосредственно дано в эмпирической реальности, существенно отличаются друг от друга. В остальных случаях воздействие на субъективные понятия и представления оказывают теоретические положения и основания. Чем шире теоретическое и практическое политическое влияние, тем многограннее становятся представления личности и группы о политическом пространстве, возрастает их значение в контексте политической культуры. Соответственно, систематическое отображение политических принципов в системе субъективных понятий, приближающееся по своему характеру к «идеальному типу», позволяет использовать понятие «идеального типа», обретая новые возможности познания политического пространства посредством конструирования новых идеально-типических понятий.

В этом своем новом значении «идеальный тип» предстает перед нами уже не как чисто логическое вспомогательное средство, не субъективное понятие, в сравнении с которым сопоставляется и измеряется политическое пространство, а как социально-значимый принцип (закон), с помощью которого выносятся определенные ценностные и оценочные суждения о данном политическом пространстве и выбирается траектория политического участия личности или социальной группы. Говоря иначе, процесс формирования идеального типа в ходе интериоризации политического пространства есть не что иное, как один из элементов механизма политической социализации и адаптации как личности, так и социальной группы.

В ходе этих глубоко взаимосвязанных процессов субъект политического самоопределения, стремясь понять и интериоризировать политическое пространство изнутри, пытается вынести собственное суждение о нем и при этом испытывает потребность в том,

¹ Вебер М. Избранные произведения. С.393.

чтобы вывести свое суждение, исходя из субъективных представлений. То есть субъективное представление о значении того или иного субъективного политического события или ценности выделяется в отдельный «идеальный тип» или становится, в логическом смысле, идеально-типическим.

Именно это чаще всего происходит на практике и является наиболее важным аспектом в процессе формирования идеально-типических понятий, где каждый «идеальный тип» составляется из понятийных элементов, социальных по своей природе и реализованных, в конечном итоге, в «идеальных типах», вне эмпирически данного политического пространства. Соответственно, чем дифференцированной система понятий о политических событиях, исходящих из компонентов, которые лежат в основе их общественного значения, тем в большей степени отдельные политические нормы и законы или система политических норм и законов будут отдаляться по своему характеру от «идеального типа».

Но здесь возникает некоторое противоречие, так как понятие «типического» опирается на принцип, согласно которому цель освоения политического пространства есть сведение элементов этого пространства к политическим законам и выстраивание своего политического поведения на основе этих принципов. При этом возникает серьезная опасность того, что грань между «идеальным типом» и политическим пространством будет стираться. Однако этого противоречия можно избежать, если результат формирования представлений о политическом пространстве, как он выражен в данной конструкции, использовать в качестве проверочного средства, сравнивая «идеальный тип» с эмпирически данным политическим пространством.

Такой вывод следует из того, что, выполняя свою логическую функцию, «идеальный тип» обнаруживает собственное несоответствие топике объективного политического пространства, так как остается лишь фрагментом субъективного освоения последнего. Соответственно, «идеальный тип» служит необходимым посредником, ориентиром во всем многообразии субъективных представлений, когда конечный смысл политического самоопределения заключается в преодолении его («идеального типа») влияния.

Мотивация политического участия расценивается субъектом политического самоопределения либо как стремление к некой цели из-за ее собственной ценности, либо как средство к достижению этой цели. Здесь, безусловно, важно соответствие цели и средств. Поскольку субъект политического участия, в границах собственно-

го знания, способен установить, какие средства соответствуют или не соответствуют данной цели, он может тем самым взвесить шансы на то, каким образом с помощью определенных средств, имеющихся в его распоряжении, вообще возможно достигнуть определенной политической цели и одновременно подвергнуть критике, исходя из сложившейся ситуации, саму постановку цели, охарактеризовав ее как практически осмысленную или лишенную смысла в данных условиях. Можно также установить, какие последствия будет иметь применение требуемых средств наряду с достижением поставленной цели, поскольку все явления и события социальной действительности взаимосвязаны. Затем субъекту политического самоопределения предоставляется возможность взвесить, каким будет соотношение всех непредусмотренных последствий его политического участия, а далее, «какой “ценой” будет достигнута поставленная цель, какой удар предположительно может быть нанесен другим ценностям»¹. Поскольку в подавляющем большинстве случаев каждая цель достигается такого рода ценой или может быть достигнута такой ценой, то действующий субъект, с необходимостью, оценивает соотношение цели и последствий собственных поступков.

Прежде всего следует подчеркнуть, что подобные политические конструкты не являются идеальными образцами или «идеальными типами» и не носят характер долженствования. Речь идет о возможности конструирования механизмов политического самоопределения, которые представляются достаточно мотивированными, следовательно, объективными и адекватными нашему знанию, где, благодаря идеально-типическим понятийным структурам, становятся действительно отчетливыми субъективные представления, своеобразие которых, в каждом конкретном случае, раскрывается посредством конфронтации эмпирических данных с «идеальным типом». «Идеальный тип» как однозначное понятийное содержание оказывается теоретической и односторонней точкой зрения, способствующей освоению политического пространства, или с которой политическое пространство может быть соотнесено. Тем не менее он, безусловно, непригоден для того, чтобы служить схемой, способной полностью охватить исследуемое пространство, поскольку ни одна из интеллектуальных систем, без которых невозможно обойтись, постигая какую-либо важную составную часть политического пространства, не может исчерпать многообразия ее

¹ Вебер М. Избранные произведения. С.348.

проявлений. Все они представляют собой не что иное, как попытку упорядочить потенциал понятийных образований в контексте субъективного политического знания.

«Идеальные типы», образованные посредством мысленной обработки, а в действительности путем интеллектуального преобразования непосредственно данного политического пространства и включения его в понятия, соответствующие познанию и направлению познавательного интереса, всегда противостоят тому, что субъект может извлечь из политического пространства с помощью нового знания. Результатом такого познания является постоянно идущий процесс распрямления тех понятий, посредством которых осваивается политическое пространство и формируются алгоритмы политического участия.

Итак, мы смогли убедиться в очевидной гносеологической перспективности предпринятого в настоящей статье исследования генетической связи проблемы политического и культурного самоопределения, предпринятого нами в свете веберовской концепции «идеального типа». Мы отдаем себе отчет в том, что сделан лишь первый шаг в этом направлении, способном вырасти в методологическую основу предстоящих исследований этой вечной проблемы политической жизни общества.